

**«Общественная позиция»
(проект «ДАТ» № 14 (51) от 7 апреля 2010 г.**

ВЕРНУТЬ ИЗ ЗАБВЕНИЯ

ОПАСЕНИЯ ШАЯХМЕТОВА

Мы с великим прискорбием сообщаем, что на 82-м году жизни умер публицист с большой буквы, патриот своего народа, почетный журналист Казахстана Мадат Аккозин. Мадат-ага, внук Оразбая – брата Абая, был прирожденным интеллигентом, всю свою жизнь добивался справедливости, не проходил мимо негативных фактов. Последние двадцать лет Мадат Аккозин печатался только в оппозиционных СМИ (ДАТ, Соз, СолДАТ, Свобода Слова, Правда Казахстана и др.), так как его материалы в поисках истины часто задевали государственных мужей, начиная с самого Назарбаева. Отец Мадата Акилбаевича был репрессирован, в связи с чем в свое время покинул пределы Казахстана и вынужден был скрываться в Киргизии.

Редакция нашей газеты глубоко скорбит об уходе из жизни Хорошего Человека и разделяет горе потери с его родными и близкими. Может, там, в раю, ему будет немного легче, когда он не будет видеть всю мерзость запустения страны, в которой мы все больше оказываемся и которую он всеми силами пытался преодолеть.

Светлая память журналисту! Нашей данью ему будет его же очерк из последней книги «Вернуть из забвения».

Широкомасштабное освоение целины с притоком большого количества людей других национальностей могло привести к растворению казахов в их массе. И без того резко сократившийся их удельный вес в составе населения республики после массового голода и бегства из страны в период коллективизации должен был еще больше упасть. Эти свои опасения Шаяхметов высказал Хрущеву. Преодолевая тяжелое для него воспоминание, перенесший три операции на головной мозг, Жумекен рассказал об откровенной беседе с Хрущевым своему аулчанину Хакиму Ахметову. Родители аулчанина семейно дружили с его родителями, а он сам – с покойным братом Жумабая. Хаким Ахметов проездом на курорт в Ессентуки остановился в Москве, чтобы разыскать Шаяхметова, передать ему привет от земляков и по их просьбе узнать о его судьбе, почему не поладил с ним Хрущев.

Позже и сам Хрущев в своих воспоминаниях напишет: «Шаяхметов понимал, что если увеличить площади под зерно, то обработать их казахи сами не смогут. В Казахстане жило много людей других национальностей, главным образом украинцев и русских. Он понимал, и никто этого и не скрывал, что придется звать на помощь добровольцев, желающих поехать на освоение целинных земель... Мы-то были уверены, что их найдется нужное количество, а он этого вовсе не хотел, ибо тогда еще сильнее снизится удельный вес коренного населения в Казахстане». (Из выступления министра культуры, информации и общественного согласия М.Кул-Мухаммеда на научно-практической конференции, посвященной 100-летию

со дня рождения Жумабая Шаяхметова со ссылкой на 4-й том воспоминаний Хрущева Н.С.)

По данным Динмухамеда Кунаева, «только в первые два года прибыло в республику 360 тысяч механизаторов, специалистов сельского хозяйства». У многих из них ведь еще были члены семьи. А вот какие данные сообщает журналист Борис Самсонов в своей книге о Кунаеве и его времени «Бремя величия» («Тайны и закулисья: реалии и мифы»): «Целину ничем не обделяли, более того, сверх необходимых потребностей сюда двинули технику в ущерб другим зерновым регионам. Не хватало механизаторов. Помню, в «Ленинской смене» мы бросили клич: «Девушки, на трактор!» Не потому, что парней не хватало, а тракторов оказалось больше расчета. У меня сохранились данные. В Целинном крае во время уборки простаивало 15 тысяч тракторов и 10 тысяч комбайнов. Но мы об этом ничего не знали. Из 650 тысяч человек, приехавших в Северный Казахстан за первые два года, механизаторов, действительно нужных целине, было всего 130 тысяч».

На целину продолжали прибывать ее покорители и в последующие годы. Ехали сюда партийные, советские и комсомольские работники всех звеньев. Всех принимала целина. Люди без специальностей приобретали здесь специальности, молодые холостые ребята находили невест среди девушек, приехавших по зову комсомола из российских регионов, где был избыток женщин. Государство не скупилось на создание условий для нормальной жизни. Только бы хлеб давали и побольше. Целина много раз радовала страну миллиардами, а в некоторые годы значительно перекрывала и этот рубеж. Казахстан прославился житницей Советского Союза, герои ее целины вошли в число самых прославленных людей страны. Крылатым стал лозунг, брошенный вторым после Хрущева, главным целинником Леонидом Ильичем Брежневым: «Будет хлеб – будет и песня».

Все это было бы прекрасно, если бы ради блестящего рапорта не допускались откровенные приукрашивания цифр. Был только тихий ропот руководителей колхозов и совхозов, что они вынужденно сдают государству фуражное зерно, а потом пишут просьбы помочь кормами для скота и, раскланиваясь в благодарности, выкупают назад свое же ранее сданное фуражное зерно. Но уже по более высокой цене и тратясь еще на транспортные расходы. Ропот не распространялся выше тет-а-тет. Но однажды я был свидетелем такой сценки. Как заместитель заведующего отделом пропаганды и агитации обкома партии, а затем начальник облуправления по радиовещанию и начальник облполиграфиздата принимал участие во всех областных мероприятиях. Часто в них принимал участие Динмухамед Ахметович Кунаев. После завершения регламента на беседу оставлялись первые руководители районов и начальники областных управлений. Одна такая беседа была посвящена зерновому балансу. Как всегда, первым на трибуну вышел первый секретарь Жамбылского райкома партии Аймухамед Мансуров. Он рассказал, сколько было посеяно зерновых, какая урожайность с гектара, сколько всего собрано и продано государству, оставлено на семена, т.е. дал полную картину с урожаем.

Но никакой, даже слабо видимой реакции со стороны Кунаева. Он снова повторил свой рассказ, видимо, считая, что Кунаев что-то прослушал. И опять нет реакции, как будто Мансуров все рассказывал сам себе. Тогда он говорит:

– Подсчитав свои возможности, мы решили продать государству дополнительно столько-то тысяч пудов.

Появилось легкое оживление на лице Кунаева. Вслед за Мансуровым все выступавшие руководители говорили, сколько хлеба сдадут дополнительно государству. Не помню, какой это был год. Но очевидно – один из тех, когда сложилось напряженное положение с большим хлебом, ожидаемым от Казахстана. Когда расходились, тихо подтолкнув сзади, спросил Мансурова:

– Аяке, откуда вдруг взялся у вас дополнительный хлеб?

Он, рубанув покалеченной на фронте рукой воздух, с досадой проговорил, перейдя на казахский:

– Фураж кетты гой! (Фураж ушел).

Из записной книжки

Не делите нераздельных

Шаяхметову принесли на утверждение указ о присвоении высоких званий любимым народом певцам братьям Ринату и Муслиму Абдуллиним. Один представлялся к званию народный артист Казахстана, второй – заслуженный артист Казахстана. Шаяхметов удивился:

– Их природа даже не осмелилась разделить, и в один день родила на свет. А вы, умники, решили оторвать друг от друга и посеять между ними недомолвки.

Оба Абдуллинных стали народными артистами Казахстана.

Жамбыл решил жениться

В писательской среде ходили разговоры о желании жениться Жамбыла на молодой. С такой просьбой он приходил и к Шаяхметову: «Ай, сары бала (блондин)! Ты когда мне молодуху сосватаешь?»

Однажды в разговоре со Сталиным Шаяхметов высказал это пожелание старого акына. Сталин, немного подумав, говорит:

– Зачем лишние шутки порождать вокруг столетнего, уважаемого в народе акына? Скажи лучше, что он еще любит?

– Он неравнодушен к скакунам и хорошим тканям.

– Ну и подарите ему скакуна и несколько отрезов.

Получив подарки, Жамбыл забыл про свои другие слабости.